

«Классические» ошибки в восприятии православного богослужения

Православное богослужение часто по праву называют «школой богословия и богомыслия». Это действительно так, если вслушаться в смысл молитв и песнопений, обратить внимание на сам строй богослужения, его внутреннюю логику и мотивы, лежащие как бы «за кадром», но повлиявшие на возникновение того или иного элемента или обряда. Но в то же самое время не секрет, что часто сокровищница православного богослужения оказывается невостребованной.

Рассмотрим для примера несколько наиболее распространенных случаев ошибочного понимания богослужебных текстов (или потенциального непонимания их вообще) и выскажем соображения по поводу возможного исправления этих «трудных мест».

1) В начале каждой Литургии, вечерни или утрени, а также и во время других служб, диакон возглашает так называемую «великую», или «мирную», ектению, которая начинается с прошения: «Миром Господу помолимся». Далеко не каждый из стоящих в храме людей, к которым обращен этот призыв, знает, что здесь идет речь не о приглашении помолиться «всем вместе, то есть всем миром», но — о молитве в «мирном состоянии духа». Переводчики на славянский, во многих других местах строго следовавшие букве греческого оригинала, здесь отступили от нее: в греческом тексте стоит «en eirene» — буквально «в мире».

Примечательно, что везде в других частях богослужения то же самое «en eirene» переводится у нас буквально — «в мире»: «Прочее время живота нашего в мире (а не «миром») и покаянии скончати...», «Святое Возношение в мире (не «миром») приносити», «В мире (а не «миром») вкупе усну и почию» и т.д.

2) Далее в той же ектении диакон возглашает: «О свышнем мире и спасении душ наших...». И снова та же история. На вопрос, что значит это прошение, прихожане при опросе почти хором ответили: это значит «о вышнем мире», то есть о мире ангелов. На вопрос, как вообще мы можем молиться об ангелах, никто, правда, ответить не смог. Что же здесь в греческом тексте? «Нυρηγ της ανωθεν ειρηνες». Anowthen — это наречие ano (вверху) с суффиксом then, обозначающим движение: «откуда?». Буквально фраза должна переводиться так: «О мире (не mire!) свыше (!) и спасении душ наших...», то есть «О ниспослании мира свыше...».

С подобной заменой не-адъективных греческих определений (не создающих проблем для понимания) на адъективные в церковнославянском языке вообще связано много недоразумений: например, «память смертная» — это на самом деле «память (о) смерти»; «за мирский живот и спасение» — это «за живот (жизнь) мира и спасение»; но звучит так, будто мы испрашиваем в молитвах себе смертную память (то есть способную умереть?), а Христос пострадал во имя какой-то мирской жизни.

3) Следующее прошение ектении: «О мире всего мира, благостоянии святых Божиих церквей и соединении всех...» Вот оно, любимое прошение экуменистов! :) Одна лишь незадача: слово «церкви» в греческом — женского рода (как и в русском), а слово «всех» здесь (panton, а не pason) — мужского. Под «всеми» подразумеваются не церкви, а христиане: верующих приглашают помолиться о соединении всех православных христиан, которые, каждый в своем городе, принадлежат Единой Святой Соборной и Апостольской Церкви. Исправить потенциальное непонимание можно легко, добавив одно слово: «...и соединении всех нас...».

4) Практически каждая ектения оканчивается прошением: «Пресвятую, Пречистую, Преблагословенную, Славную... со всеми святыми помянувшe, сами себе и друг друга и весь живот наш Христу Богу предадим». Основная же трудность вот в чем: как ни крути, «(сами) себе» воспринимается как дательный падеж (кому?), а не как винительный (кого?). Выход простой: заменить на параллельный церковнославянский вариант: «самих себе и друг друга...». Ощущение дательного падежа исчезнет.

5) Практически в каждой службе встречается сугубая ектеня. Одно из ее прошений, посвященное поминовению усопших, заканчивается словами: «...зде лежащих и повсюду, православных». Многие батюшки не обращают никакого внимания на стоящую в служебнике запятую и читают «зде лежащих (пауза) и повсюду православных». Получается, что у нас мертвые — лежащие, но не православные, а во всем остальном мире мертвые — православные, но не лежащие. Выходом было бы, конечно, читать правильно: «зде лежащих и повсюду, (пауза) православных», но это кажется несколько «неудобопроизносимым». Второй вариант: поменять расположение слов — «зде и повсюду лежащих, православных».

6) Херувимская песнь. Кладезь трудностей для простых прихожан. Одна из первых трудностей заключается в том, что слово «херувимы» воспринимается как именительный падеж, хотя на самом деле стоит в винительном (в именительном было бы «херувими», с «и» на конце) — «Иже херувимов тайно образующе...»

Кроме того, вместо славянского «подъемем» правильно поставить славянское же «приимем». Иначе, кроме всего прочего, будет еще и сохраняться нежелательная ассоциация с совершенно неверным толкованием о «ношении на копьях». Нυροδεσμοται, напомним, означает именно «принимать», особенно «принимать у себя гостя», или «принимать в себя». Это — прямое указание на Евхаристию. Речь идет о Причащении Тела и Крови Христовых, принятии Евхаристической жертвы, приготовленные Дары для которой переносятся на престол на Великом входе во время пения Херувимской песни. Славянское слово «поднять» имеет такое же значение, как и слово в греческом оригинале — «принять в себя», и перевод, конечно, правильный, однако сейчас это слово просто неотличимо от русского «поднимать», которое нужного значения не имеет вовсе. А «дориносимый», напомним, значит «окруженный телохранителями, копьеносцами», а отнюдь не «поднятый на копьях». На Аллилуиа... не крещусь, а кланяюсь.

7) Один пример — из утрени. Возглас священника после шестой песни канона: «Ты бо еси Царь мира и Спас душ наших...». Заметьте, «Царь мира», а не «Царь міра». «Царем міра» в нашем богослужении часто называется диавол — например, в службе навечерия Крещения Господня (хотя чаще встречается «князь міра»). Подобный пример, что и в первом случае, встречаем на великом повечерии: «Бог крепок, Властитель, Начальник мира». Последние два слова: *Archon eígenes* — Князь мира, то есть Князь мирный. Однако на слух эти слова воспринимаются иначе. Какой здесь можно найти выход? Заменить не-адекватное определение адекватным: «Ты бо еси Царь мирный и Спас душ наших...», «Бог крепок, Властитель, Начальник мирный». Кстати, в просительной ектенье у нас так и сделано: «Ангела мирна, верна наставника», а не буквально «Ангела мира (*eígenes*)». Это именно тот случай, когда определение, выраженное существительным в родительном падеже, желательно было бы переводить прилагательным (в отличие, наоборот, от случаев «смертной памяти» и «мирского живота»).

8) На воскресном всенощном бдении, а также и в поминальные дни, когда читается 17-я кафизма, часто звучат выражения, где упоминаются «оправдания» Господни: «Благословен еси Господи, научи мя оправданием Твоим». То же самое слово встречаем и в вечернем песнопении «Сподоби, Господи»: «Вразуми мя оправданием Твоим... Просвети мя оправданием Твоими». О каких «оправданиях» здесь идет речь? Вопреки тому, что кажется очевидным на первый взгляд, псалмопевец говорит вовсе не о способах оправдаться пред Богом. *Dikaíomata* — это «установления, предписания, заповеди». Так, данная строка из псалма 118 в Синодальном переводе звучит: «научи меня уставам Твоим» (Пс. 118:12).

9) Следующий момент, пожалуй, самый трудный для перевода. На Литургии мы слышим возглас: «Твоя от Твоих, Тебе приносяще, о всех и за вся». До сих пор литургисты и филологи спорят о смысле выделенных слов. Скажем только, как нельзя их понимать: «О всех людях и за всех людей», или «повсюду и в благодарность за всё». Это совершенно неверно. В греческом оригинале: «*kata panta kai dia panta*». *Panta* — «всё» среднего рода множественного числа. Буквально: «согласно всему и ради/вследствие всего». Эти слова являются частью анафоральной молитвы и могут быть поняты только без отрыва от нее, как «согласно всему и ради всего» — что было сказано ранее о делах Божиих в отношении мира и человека и о том, как Христос установил это спасительное Таинство.

10) Каждый из православных христиан несчетное множество раз слышал возглас «прости!» (ударение на «о») — либо в составе «Премудрость, прости», либо в начале благодарственной ектении после Причащения: «Прости, приемше...» Все ли понимают, о чем идет речь? Сама практика совершения богослужения показывает, что, увы, нет. И лучшая иллюстрация тому — Литургия Преждеосвященных Даров. Во время этой Литургии после второго прокимна священник возглашает «Премудрость, прости!», а затем оборачивается к собранию, благословляет народ зажженной свечой и кадилом, произнося: «Свет Христов просвещает всех». При этом все молящиеся в храме, как правило, падают ниц. Но ведь возглас священника, прозвучавший только что, призывал всех, напротив, стоять прямо! По-гречески «прости» — *orthoi*. Это прилагательное *orthos* («прямой», а также «правильный», «истинный») — отсюда происходит всем известное слово *ortho-doksia*, православие) в именительном падеже множественного числа мужского рода. Поскольку в греческом это слово не имеет артикля, то на церковнославянский оно было переведено кратким прилагательным. Так не надо падать на колени?

В церковнославянском слово «простый» имеет несколько значений, и одно из основных — «прямой». Краткая форма его по-славянски — «прост», множественное число — «прости». Слово «прости» отвечает на вопрос «какие?» или «каковы?». Оно подразумевает призыв: «Будьте прости», или «Станьте/стойте прости», — то есть, буквально по-русски: «Стойте прямыми, прямо!».

11) Одно из главных песнопений вечерни (а также и молитва священника на вечернем входе) содержит слова: «Да исправится молитва моя, яко кадило пред Тобою». Что это за «кадило», с которым сравнивается молитва, которая, в свою очередь, должна быть «исправлена»? *Thymiama* — это, во-первых, «фимиам (ладан), каждение», а уже только во вторую очередь «кадило» в привычном для нас значении. И в указанной цитате имеется в виду именно «каждение, кадильный дым». *Kateuthyno* — «выпрямлять, делать прямым, направлять по прямой линии, направляться, устремляться». Перевод фразы можно исправить так: «Да вознесется молитва моя, яко фимиам пред Тобою». Все тот же церковнославянский язык, но смысл куда очевиднее.

12) В прошениях литии, которая совершается на всенощном бдении, есть фраза: «О всякой души христианстей, скорбящей же и озлобленной». О чем здесь молимся? Об умягчении злых сердец, как кажется на первый взгляд? «Злоба» в церковнославянском — это «зло, порок», но также и «забота» (ср. «Довлеет дневи злоба его» — «Довольно для каждого дня своей заботы» (Мф. 6:34); отсюда, из евангельского стиха, кстати, произошло русское «злободневный» и «на злобу дня»). «Озлобिति» — «делать худое, обижать, угнетать, стеснять». «Озлобленный» — это «озабоченный, угнетенный, стесненный». То есть не тот, кто озлоблен на окружающих, но кто, напротив, терпит угнетение или притеснение.

Автор: диакон Андрей Глущенко (полный вариант статьи: <http://azbyka.ru/tserkov/tserkovno-slavyanskiy/klassicheskie-oshibki-v-vosprijatii-pravoslavnogo-bogoslužhenija-all.shtml>).